

«НА УДИВЛЕНИЕ СВЯЗНАЯ» ВТОРАЯ АНАЛИТИКА

Рецензия на книгу

David Bronstein. *Aristotle on Knowledge and Learning: The Posterior Analytics*.
New York: Oxford University Press, 2016. XIII, 272 pp.

А. Т. ЮНУСОВ

Институт философии РАН (Москва)

Московский государственный строительный университет
forty-two@mail.ru

ARTEM IUNUSOV

Institute of philosophy RAS (Moscow)

Moscow State University of Civil Engineering

THE "SURPRISINGLY CONSISTENT" *POSTERIOR ANALYTICS*.

A review of: David Bronstein. *Aristotle on Knowledge and Learning: The Posterior Analytics*. New York: Oxford University Press, 2016.

ABSTRACT. The present article is a review of the recent comprehensive study of the doctrines of Aristotle's *Posterior Analytics*. I outline the ideas used by D. Bronstein in his interpretation of the *Posterior Analytics*, inspecting, at the same time, soundness of some of these ideas. Among other points, I show that Bronstein's conception of two models of demonstration is not really supported by the text of the *Posterior Analytics* and that the set of "ingredients" of demonstrative science offered by him cannot be correct, since it is at odds with examples of the arrangement of demonstrations offered by Aristotle himself.

KEYWORDS: David Bronstein, Aristotle, *Posterior Analytics*.

I

Исследования, посвященные целостному истолкованию учения *Второй аналитики* (далее – *АПо*) представляют собой большую редкость. Причиной тому, вероятно, является то, что последовательная и цельная интерпретация в случае учения *АПо*, пожалуй, более проблематична, чем в случае текста любого другого из дошедших до нас трактатов Аристотеля: темнота, запутанность и противоречивость этого сочинения вполне общепризнаны. Тем

СХОЛН Vol. 12. 1 (2018)

www.nsu.ru/classics/schole

© А. Т. Юнусов, 2018

DOI: 10.21267/AQUILO.2018.12.10419

больше внимания следует уделить любой работе, которая пытается дать целостную и всестороннюю интерпретацию *Второй аналитики* – и именно такой работой является исследование Дэвида Бронштейна.

Бронштейн отталкивается в своей интерпретации учения *АПо* от тезиса о том, что этот трактат представляет собой развернутый ответ на Платонов *Менон* и его основной темой является не столько доказательство (*ἀπόδειξις*) и научное знание (*ἐπιστήμη*), сколько процесс, который по-гречески может быть обозначен как *μάθησις*, а по-английски как «learning», и который по-русски, за неимением вполне подходящего по смыслу слова, удобнее всего несколько вольно обозначить описательным оборотом «приобретение знания». Связь *АПо* с *Меноном* хорошо засвидетельствована и не вызывает сомнения,¹ однако Бронштейн считает, что она носит намного более глубокий характер, чем то принято считать. Бронштейн уверен в решающем значении вступительных слов *АПо* I.1: Πᾶσα διδασκαλία καὶ πᾶσα μάθησις διανοητικὴ ἐκ προῦπαρχούσης γίνεται γνώσεως («Всякое обучение и всякое основанное на размышлении приобретение знания происходит из <уже> ранее имеющегося <у человека> знания»)² Бронштейн не только безошибочно опознает в этих словах отсылку к *Менону*, но и полагает, что они являются ключом к *АПо*, и смысл этого трактата состоит в рассмотрении того, какие именно существуют способы «приобретения знания», какое именно ранее имеющееся знание необходимо человеку для того, чтобы приобретать знание тем или иным способом и, наконец, как нам в каждом из этих случаев описать процесс приобретения знания таким образом, чтобы избежать парадокса поиска *Менона*.

Согласно интерпретации Бронштейна, существует три способа «приобретения знания» – через доказательство, через определение и через индукцию, причем описанию первого полностью посвящена I книга *АПо*; второго – большая часть ее II книги; третьего – последняя глава этого трактата. Принципиальным тезисом Бронштейна, выделяющим его книгу на фоне других исследований *АПо*, является утверждение о том, что во всех этих случаях мы имеем дело не только с разными способами приобретения знания, но и, фактически, с разными субъектами, его приобретающими: *АПо* I изображает ученого-эксперта, занятого построением уже приобретенного им доказательного научного знания, *АПо* II.1–10; 13 описывает ученого-исследователя, занятого эмпирическим поиском определений, необходимых ему, чтобы стать экспертом в определенной области знания, наконец,

¹ На русском языке разбор литературы и обсуждение проблемы см. Орлов 2013, 268–278; 285–293.

² Здесь и далее перевод мой.

ΑΡο II.19 изображает человека вообще, естественным образом приобретающего понимание значений понятий, которые будут необходимы ему, чтобы он впоследствии смог отыскать их определения.

Согласно этой ведущей для Бронштейна (но, следует заметить, никак им серьезно не обоснованной) интуиции подразделения разных видов приобретения знания в *ΑΡο* выстроенное все исследование: оно делится на три части, первая из которых посвящена I книге и «приобретению знания через доказательство», вторая – первой половине II книги и «приобретению знания через определение» и третья – 19 главе II книги и «приобретению знания через индукцию». Несмотря на то, что ядром и, как следствие, самой удачной частью исследования служит его вторая часть, на которую приходится 8 глав из 13, ни первая, ни третья части не производят ощущения неуместного дописка: обе они выполнены на высоком уровне и органично вплетены в дело выстраивания «на удивление связной и полной» (стр. 248) картины учения *ΑΡο*. Именно эту уже упомянутую мной попытку продемонстрировать полноту, связность и цельность доктрины *ΑΡο* можно поставить работе Бронштейна в заслугу в первую очередь – ведь именно ее не хватает большинству исследователей *ΑΡο*.

II

Работа Бронштейна написана в исключительно строгой аналитической манере, характерной для «Оксфордских исследований об Аристотеле»: текст разбит на множество коротких параграфов и подпараграфов, в каждом из которых отчетливо формулируется и лаконично, но по возможности исчерпывающе обосновывается конкретный тезис. Безусловные достоинства такого стиля изложения, вполне перевешивающими любые его недостатки, состоят в ясности, прозрачности и общей обоснованности каждого из тезисов. Я, впрочем, не могу сказать, что Бронштейн проводит этот способ построения исследования безукоризненно последовательно, поскольку такого рода построение текста предполагает, что каждый из тезисов, который автор использует в аргументации – или, по крайней мере, каждый из тезисов, в отношении которых среди исследователей существуют разногласия, – он в идеале должен предварительно обосновать. Бронштейн же иногда вовсе пренебрегает таким обоснованием: так, он совершенно вскользь бросает замечания о том, что для того, чтобы силлогизм считался доказательством, достаточно, чтобы непосредственной посылкой (т. е. началом) была только одна из его посылок (стр. 49, прим. 31.); о том, что нечто может считаться определением, если оно выражает хотя бы часть сути вещи (стр. 48); о том, что Аристотелю нет разницы, называть ли началами посылки, как он делает

в *АРо* I.2, или же термины, как он делает в *АРо* I.10 (стр. 171, прим. 10); что ὄρος в *АРо* всегда означает «определение» (стр. 196, прим. 14) и т. д.

В других случаях Бронштейн, хотя он и предлагает какое-то обоснование тезиса, однако этот тезис оказывается обоснован намного менее тщательно, чем это необходимо, что особенно бросается в глаза в случае принципиальных для его интерпретации положений *АРо*. Приведу всего один пример. Бронштейн выдвигает тезис о том, что в доказательном знании у Аристотеля используются два вида доказательств: те, в которых средним терминов выступает определение меньшего термина (модель 1) и те, в которых средним терминов выступает определение большего термина (модель 2); при этом все доказательства по модели 2 в конце концов укоренены в доказательствах по модели 1 (стр. 46–50). Это тезис крайне важен для интерпретации, которую Бронштейн предлагает для *АРо*, и он многократно возвращается к нему на протяжении всего исследования.³ Проблема, однако, в том, что Бронштейн очень слабо обосновывает тезис о том, что доказательства по модели 1 известны *АРо*. Для подтверждения своего утверждения о их существовании он ссылается 1) на придуманный им самим пример⁴ 2) на три места *АРо*⁵ 3) на умозрительное объяснение того, как такие доказательства должны работать. Сразу ясно, что (1) служить решающим аргументом не может. Из трех мест, которые Бронштейн приводит в (2), одно в действительности отсылает к модели 2,⁶ одно вообще не имеет к обсуждаемому вопросу никакого отношения,⁷ а одно не указывает в точности, об определении больших или меньших терминов идет речь.⁸ Умозрительное же объяснение работы доказательств по модели 1 выглядит крайне странным: оно предполагает, что Аристотель объясняет, например, присущность большего термина «затвердевание влаги в черенке листа» меньшему термину «широколиственные растения» просто через средний термин «суть широколиственных растений»; т. е. на вопрос «почему в широколиственных растениях в черенке затвердевает влага?» ответом будет «потому что это широколиственные растения».

³ Стр. 99, 118, 134 и т. д.

⁴ Стр. 48: человеку присуща речь, поскольку он разумен.

⁵ Стр. 48, прим. 24

⁶ *АРо* 73b31–32: пример «треугольника» и «двух прямых углов»; что интересно, сам Бронштейн в одной из следующих глав признает, что это доказательство по модели 2 (стр. 100).

⁷ *АРо* 74a30–34.

⁸ *АРо* 96b15–25.

III

Одна из основных проблем исследования Бронштейна стандартна для исследований, посвященных *АРо*: выстраивая свою интерпретацию этого текста, Бронштейн исчерпывающим образом использует те места этого трактата, которые могут служить свидетельствами в пользу его интерпретации, при этом полностью обходя стороной те места, которые решительно свидетельствуют против нее.

Так, в 11 и 12 главах Бронштейн предлагает свою картину «ингредиентов», из которых строится научное знание в *АРо*. Эта картина не имеет аналогов в литературе и, без сомнения, достойна подробного рассмотрения. Проблема, однако, в том, что Бронштейн таковому рассмотрению ее не подвергает, ограничиваясь ее достаточно подробным описанием и опуская (или только упоминая без должного обсуждения) все свидетельства *АРо*, которые оказываются для нее проблематичными. Бронштейн делит элементы науки так (стр. 170–173): 1) первичные виды-субъекты доказательства, чье существование постулируется (например, число *или* единица; пространственная величина *или* точка и линия) 2) производные виды-субъекты доказательства, чье существование доказывается (например, двойка; треугольник) 3) доказуемые свойства (затмение; сумма углов, равная двум прямым углам) 4) сущностные свойства (указываются в определениях). Курсив в первом пункте мой, однако способ выражения в точности Бронштейна – может создаться впечатление, что он не видит разницы между столь принципиально различными вариантами упоминаемых Аристотелем в *АРо* I.10 «первичных» субъектов как, например, «число» и «единица», первый из которых – род для арифметики (т. е. самый универсальный термин в науке), а второй – напротив, наиболее близкий в условиях математического знания к единичному предмету термин. Свидетельства текста Бронштейна ясно указывают, что он считает, что как «единица», так и «число» (а также как «линия», так и «пространственная величина») – это примеры *рода* доказательства: на стр. 188 он говорит, что «первичный <субъект> – это род, а не член рода»; на стр. 194 явно указывает, что единица – это род для арифметики. Все это порождает многочисленные трудности. Во-первых, если «первичные» субъекты – это роды, то почему Аристотель указывает по два (число, единица), а иногда даже по три (пространственная величина, точка, линия) рода для одной науки, ясно отмечая, что исследование каждой науки должно происходить в пределах строго одного рода (*АРо* I.6 75a18–21; *АРо* I.7; *АРо* I.28)? Подразумевает ли Бронштейн, что это разные обозначения одного и того же рода? Или же, что Аристотель сомневается, какой именно род приписать арифметике и геометрии? Оба варианта маловероятны, но являются хоть каким-то объ-

яснением; Бронштейн же не предлагает никакого. Далее, сам Аристотель несколько раз ясно указывает, что родом, например, для двойки и тройки является «число», а не единица, и как раз в *АРо* II.13 (96a25–32; b15–17), т. е. в той самой главе, при обсуждении которой Бронштейн делает странное утверждение о том, что «единица» – это род для чисел. Да и как она могла бы быть таковым? Или, что еще важнее, как родом для геометрических предметов могла бы быть «точка» или «линия»?

В 12 главе Бронштейн усложняет картину ингредиентов науки (стр. 190–195). Он делит «подчиненные» субъекты доказательства на первичные неделимые и производные; последние в свою очередь делятся на неделимые и делимые. Итоговый набор субъектов доказательства получается такой: I) первичный, т. е. род (число или единица) II) подчиненные (виды рода) 1) первичные неделимые (круг, линия, прямой угол) 2) производные а) делимые (треугольник) б) неделимые (равносторонний треугольник). По мысли Бронштейна, первичные подчиненные неделимые субъекты (II–1) – это субъекты доказательства, «из которых» (*АРо* II.13 96b21–22) составляются производные субъекты доказательства (II–2), т. е. которые входят в состав их определений, при этом в их определения никакие другие первичные субъекты (видимо, кроме рода) не входят – как, например, прямая линия входит в определение треугольника, не имея в своем определении других первичных видов. Построение научного знания происходит в таком случае в следующем порядке: сначала мы познаем определение рода, поскольку род входит в определения всех прочих субъектов доказательства; затем – определения первичных подчиненных неделимых субъектов, из которых составляются определения производных подчиненных субъектов, которые мы заполучаем в последнюю очередь. При этом все доказуемые свойства (*καθ' αὐτὰ πάθη*), принадлежащие первичным подчиненным субъектам, будут принадлежать и тем производным субъектам, в определениях которых они входят (например, свойства линии – треугольнику).

Эта картина приводит нас к новой череде проблем. Бронштейн склонен прежде всего пользоваться следующим примером: прямая линия – это первичный подчиненный субъект, а треугольник – производный, поскольку его определение включает в себя прямую линию, а определение прямой линии не включает в себя никакой другой субъект доказательства. Однако он же сам оговаривается, что «первичным» субъектом следует считать скорее просто «линию», чем «прямую линию» – поскольку первая входит в определение последней (стр. 191). И вместе с тем, он почему-то считает возможным продолжать считать «первичным» производным субъектом именно «прямую линию» (стр. 192). Так какой из этих субъектов все же является

первичным – «линия» или «прямая линия»? Оба варианта никуда не годятся: сам Аристотель упоминает в разбираемом Бронштейном фрагменте именно «прямую линию», но под определение Бронштейна подходит только линия. Но даже если мы для простоты допустим, что речь здесь именно о «линии», то в ее отношении возникает та же проблема, что и раньше: даже «линия» не может считаться «первичной» в нужном Бронштейну смысле, поскольку хотя «линия» и входит в определение «треугольника», сама линия, в свою очередь, содержит в своем определении «точку» (*ARo* I.4 73a34–37). Та же самая проблема возникает и в отношении других примеров из *ARo* II.13: прямой угол должен содержать в своем определении либо «прямолинейный угол» (*εὐθύγραμμος γωνία*), либо, по крайней мере, «прямую» (*εὐθεία <γραμμή>*) (*Eucl. El. I. Def. 9–10*), круг – «линию» и «точку» (*Eucl. El. I. Def. 15*). Помимо того, что из этого уже видна несостоятельность прочтения Бронштейна, все сказанное указывает на другой важный вопрос: являются ли «точка» и «линия» «первичными» подчиненными неделимыми субъектами? Если да, то как быть с уже упоминавшимся утверждением Бронштейна, что «первичный <субъект> – это род, а не член рода»?

Наконец, центральная идея Бронштейна – идея о том, что все доказуемые свойства (*καθ' αὐτὰ πάθη*), принадлежащие первичным подчиненным субъектам, будут принадлежать и тем производным субъектам, в определениях которых они входят – не подкреплена ни одним реальным примером такого свойства. Насколько я могу судить, такого примера привести просто невозможно. Бронштейн считает, что доказуемые свойства прямой линии должны быть присущи треугольнику, поскольку «прямая линия» входит в его определение. Но возьмем, к примеру, свойство «не иметь ширины» – оно присуще линии, но явно не треугольнику. Но, может быть, оно не является доказуемым? Хорошо, но тогда неплохо было бы привести пример хотя бы одного доказуемого свойства. «Образовывать при пересечении с другой прямой углы, равные в сумме двум прямым углам» (*Eucl. El. I. Prop. 13*)? «Образовывать при пересечении с другой прямой углы, через вершину равные друг другу» (*Eucl. El. I. Prop. 15*)? «Ограничивать собой плоскость»? В любом случае, треугольнику никакое из этих свойств присуще не будет.

Из всего сказанного видно, что интерпретация Бронштейна, хотя она и является крайне детальной и весьма остроумной, плохо работает, если чуть углубиться в примеры, которые он использует, и не работает вовсе, если выйти за пределы этих примеров – однако обо всем этом сам Бронштейн умалчивает.

Тот факт, что Бронштейн подвержен традиционному для интерпретаторов *ARo* пороку умолчания больше других, связан, на мой взгляд, с тем, что

он исходит из свехунитаристской предпосылки: что *АРо* – это тщательно продуманное самим Аристотелем и скрупулёзно (им же!) композиционно выстроенное единое произведение, где ничто не случайно, все на своем месте, и одни части находятся в точном согласии с другими. Но характер той работы, которую он вынужден проделывать для того, чтобы сохранить эту предпосылку, сам ее опровергает: чтобы показать, что в *АРо* нет никаких проблем, противоречий и неожиданных скачков мысли, Бронштейн вынужден постулировать огромное количество не сформулированных в тексте аристотелевского трактата сложных конструкций, т. е. подпирать проседающий на взгляд менее благосклонного, чем он сам, читателя под грузом противоречий текст введением дополнительных, никак в нем эксплицитно не представленных сущностей.⁹ Однако такая процедура не может не вызывать вопроса: если *АРо* действительно является столь всесторонне продуманным и так тонко композиционно и доктринально выстроенным трактатом, то почему же в ней недостает всего того, что приходится в нее добавлять Бронштейну? Если, например, указанные в П.13 подразделения так важны для доктрины начал-субъектов доказательства, как вышло, что это единственные 10 строк *АРо*, где Аристотель говорит о них? Безусловно, взгляд на *АРо* как на нечто цельное и обладающее единым замыслом – это то, чего часто не достает многим ее исследователям, и в этом смысле установка Бронштейна в каком-то смысле даже похвальна, однако, мне кажется, у нас все же нет причин бросаться в противоположную крайность и преувеличивать цельность текста, дошедшего до нас фактически.

IV

Я боюсь, что из сказанного у читателя может создаться впечатление, что исследование Бронштейна – никуда не годная трата времени, которой не стоит уделять внимания. Однако это вовсе не так; более того, книга Бронштейна – одно из лучших исследований *АРо* за последние годы и обязательна к приобретению любым специалистом, интересующимся вопросами интерпретации этого трактата. Я сосредоточился на рассмотрении ее недостатков по той простой причине, что заметить в этом исследовании проблемы – это дело более тонкое, а вот свои достоинства перед читателем оно легко раскрывает само. По крайней мере, в смысле сделанного для понимания *АРо* П.1–10 текст Бронштейна – это, вероятно, одно из лучших исследований *АРо*

⁹ Пожалуй, лучшим (но далеко не единственным) примером такого бесчисленного умножения сущностей служит как раз упомянутая выше классификация «ингредиентов науки».

вообще; глава, посвященная *APo* II.19 также выполнена на крайне высоком уровне; маленьких же удач, рассыпанных по страницам этой книги и вовсе не перечислить. В конце концов, с книгой стоит ознакомиться хотя бы ради прекрасной и, вероятно, наиболее полной на настоящий момент библиографии современных исследований, посвященных *APo*, которая, вне всякого сомнения, должна будет служить отправным пунктом для любого будущего исследователя *APo*. Как, впрочем, и сама книга Бронштейна: я уверен, что время покажет, что, исследуя *APo* с ней можно не соглашаться и спорить, но игнорировать ее никак нельзя.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Barnes, J., tr. (1994) *Aristotle's Posterior Analytics*. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press.
- Bronstein, D. (2016) *Aristotle on Knowledge and Learning: The Posterior Analytics*. New York: Oxford University Press.
- Detel, W., übers. (2014) *Aristoteles Zweite Analytik*. Hamburg: Meiner Felix Verlag.
- Pellegrin, P., tr. (2005) *Aristote. Seconds Analytiques: Organon IV*. Paris: Flammarion.
- Ross, W. D., ed. (1949) *Aristotle's Prior and Posterior Analytics*. Oxford: Clarendon Press.
- Орлов, Е. В. (2013) *Аристотель о началах человеческого разума*. Новосибирск: Издательство СО РАН.